

Отец, сын и дух святой

В Москве сыграна последняя и самая забубенная премьера уходящего сезона

Евгения ЯМПОЛЬСКАЯ
«Ночные Известия»

«Ведьмы», поставленная Безруковым-старшим для Безрукова-младшего в антрепризе «Арт-партнер XXI», превзошла все ожидания, обогнала все представления и опередила все чаяния. Теперь, постфактум, смешно даже вспомнить свои скромные, робкие надежды: мол, «Ведьмы» — очаровательный рассказ, из него может получиться хороший, серьезный драматический спектакль... Не надо скромничать! «Ведьмы» — великолепный товар для всеобщего провинциального чехса». В том смысле, что Тамбов такого не видел.

Вместо серьезного спектакля Безруковыми, оказывается, затеялась «хохмодрама». Взамен же собственно «Ведьмы» публике предложено ассорти из нескольких чеховских вещей, причем каждая вещь использована фрагментарно: то есть сюжетная линия, завязавшись по-чеховски, развивается по-безруковски, потом плавно (а чаще — скачком) перестает в линию следующую, не имеющую к предыдущей ни малейшего отношения, и так далее и тому подобное. Рассказов и повестей я насчитала как минимум восемь: «Огни», «Каникулы», «Хирургия», «Живой товар», «Благодаримы», «Который из трех», возможно, еще «Отрава» (откуда появились имена героев — Петр Петрович и Любочка). Пятерка-тройка мною, наверняка, пропущена: Чехов явно спасовал перед боями языком и драматургическими построениями Безрукова-старшего. Невольно думаешь: может, действительно классик писал про раздел имущества и жен бизнесменов, может, это его рефлектирующему перу принадлежит фразы типа: «Ленка — голая колелка», «отец Никодим отпустил грехи по знакомству», «если я тебя еще раз увижу с этим козлом...». Вполне вероятно, вот она, неведомая до сих пор зарица чеховского диалога: «Что-то мне внутри нехорошо... — А что у тебя внутри может быть хорошего?». При этом к каждому слову прибавляется чай: «помогите, чай!», «не заперто, чай!», «кай так не бывает». Прямо как-то чайная церемония. Персонаж женского пола, она же Ведьма, она же Любочка, ни разу не сказала «ник», но исключительно — «ноник». Видимо, чтобы, упаси боже, не оторваться от родных корней.

Легкость мыслей у новоявленного режиссера Виталия Безрукова истинно необыкновенная. Никто никогда не уводил Чехова так далеко от Чехова, а уведя, не бросал его посреди чистого поля, будто ненужную поклажу, чтобы мчаться дальше налегке, зыбуча уходя собственным безграничной фантазии. Где не хватает текста, как вы уже поняли, сцена дописывается своими словами; где маловато субъективности, ее добавляют из личных записок; где слюбават кажется чеховский юмор, скатываются до урны КВН (выпуска Театра Сатиры дает себя знать). Если не устраивает финал, всегда находится на ходу сочиненная альтернатива — «Унесенные ветром» и «Шарлотта» в одном флаконе. Все вместе хитро называется по мотивам произведений А.П. Чехова. К мотивам какие могут быть претензии? Вы слышали Карузо? — Нет, но мне наплева Рабинowitz...

У Чехова все герои разные, никто до полного анафонизма; у Безрукова — три основных: политический, три безымянных персонажа: дьячок, его сексуально озабоченная жена и ее светский соблазнитель, и хоть кол на голове теши, но именно эта троика, вопреки многочисленным противозаказам, должна влиться в ткань абсолютно различных чеховских историй. У многострадального Антона Павловича полно произведений о священнослужителях, но они почему-то проигнориро-

В финале дьячок отравится мышьяком — 2006 — 24 мая

...а Любочка родит ребенка не известно от кого.

ваны; зато в поле зрения Безруковых попали рассказы, где ни дьячков, ни прочих особ духовного звания нет и быть не может. Кого бы, впрочем, это смутило...

В подобной ситуации актеры, разумеется, не знают, как им играть, и выскочат на всем, что подвернется.

Безруков (подписчик, длинные русые пальцы на прямой пробор) сначала нарочно принимает идущую мину и дурацки подхихкивает, примерно с третьей сцены начинает «катать», но вскоре бросает эту привычку; внезапно удерживает в пронахвоненный пафос и столь же внезапно выпадает из него в клоунаду; если надо поддуть драматизма, кричит лично и вопиет что есть мочи и при этом наперекор всякой логике не перестает широко улыбаться, «торгует» красными губками.

Ведьма (Дарья Фелклетка) — особа вполне бесцельная, к тому же заимствованная для чеховского спектакля у Гоголя. Эта

Панночка действительно уместна на сцене, а действовать неспособна, в значить, муж ее, дьячок, в здравом уме, и сюжет перевернут с ног на голову, и «мотивы» обретают характер бреда.

Хороший актер Андрей Ильин (Анафис), неведь зачем попавший на ярмарку фамильного безруковского тиешества, старательно комичует, душно танцует, упорно и методично тискает груди Панночки, то бишь Ведьмы, утопает в шампанском в финале изображает то дубового. Я-то удивилась странно вынесенной в антракте: двое довольно-таки корявых однополовых молодых людей нежно обнимались перед зеркалом. Думаля — глюки от жары начинаются, но нет — все в порядке. Пышки ведь, надо замечено, просто так в театр не ходят, они ходят целево — на «своих» посмотришь и заодно, ладно уж, себя покажешь. Чеховым, пусть даже «мотивами», здесь, разумеется, и не пахнет; Ильин наигрывает,

как талантливый участник студенческой самодеятельности, жеманничает, выгибается, тянет слова на высокие, капризные нотах; у зала все это имеет успех бешеный, поскольку в России, слава богу, ни над кем не смеется так громко и охотно, как над голубыми. В целом получается зрелище абсолютно и стопроцентно позорное. Человека хотя бы с минимальными эстетическими вкусами может просто стошнить.

«Ведьмы» есть собрание всевозможных болезненных комплексов. Они торчат из каждой сцены, словно зачавши уши из цилиндра фокусника. Дедушка Фрейд получил бы от этой премьеры глубокое естественнопотательское удовольствие: здесь несколько раз в весьма натуралистической манере имитируется половой акт; дьячок порет жену, разожив ее поперец лавки, а потом садится в стоматологическое кресло, словно в гинекологическое; Любочка с размаху бьет Анафиса ногой в причинное место, и дальше Ильин таскается от кулисы к кулисе, скрючившись; а буквально минут через пять его пострадавшее мужское имущество всю ахс сию сжимает рукой дьячка. Случайно кулаки, так сказать.

Кулакивающей сексуально и юмористической разгулу, безусловно, следует считать следующую эпизод. Любочка начинает нежно поглаживать мужу внутреннюю сторону бедра... пробираясь все выше и выше... и вдруг замораживает... словно громом пораженная... наткнувшись на мощную, возделенную протраду... «Ого!» — только и способна выдохнуть счастливая женщина. «Не «ого», а ключ от собора!» — возвращает ее с небес на землю скучный муж и уходит в глухую пурту собирать похеротворения на храм.

Как только очередной кусок действия выдыхается и призывает спектаклю долго жить (а «Ведьмы», и правда, нет ни конца ни края), Безруков-младший направляется к авансцене, берет заблудившего пригласительный микрофон и начинает исполнять «эпиграф по мотивам песнопений иеромонаха Рабонина». (Без мотива нигула.) Поет он плохо, да и тексты вроде «положу псалтырь на аналой», учитывая вышеописанное, обретают положительный оттенок. В целом, надо сказать, гибрид православия (иконки, свечи, душевасительные морализаторство) с буйной простонародной эротикой создает эффект совершенно дикой.

Каждый, кто пришел на «Ведьмы», может приобрести в фойе не только программку, но и буклет, посвященный жизни и творчеству Сергея Безрукова. Задняя обложка буклета украшена собственноручным Сергеевым стихотворением. Что-то такое: «И знаю я, мне суждено гореть...». Пожилые капеллици-нерии умиляются: «Солнышко наше...».

Що де за налает? — спросите вы.

Це — басковщина. Сергей Безруков — это Николай Басков, но только в камерном масштабе.

Кто превратил молодого, так много поначалу обещавшего актера в смешного маленького куздра, кто злупости его недоразумевшей рукой по дешевым антрепризам и вбил столько самодеятельства в наивную юную голову?

Увы, как всегда, это сделал Безруков-старший. Ибо Безруков-старший — верующий человек. Он истово и фантастично верует в беспощадную, великолепную, гениальную непогрешимость собственного сына. Конечно, всякий родитель любит свое чадо, однако не всякая любовь во благо. Особенно если дитя не в состоянии критически оглядеть себя со стороны и всежидно, но твердо сказать заблудному папе: «Папанин, я сам. А ведь пора бы уже. Совсем большой мальчик...».